

В последующие дни Цяо Мань действительно взяла с собой Цяо Цзиньшэн, чтобы нанести визиты знатым девицам из дружественных семей. Группа юных барышень близкого возраста благодаря узам знатного происхождения давно привыкла к светскому общению: одна расхваливала имперское величие принцессы, другая восхищалась безупречным вкусом цзюньчжу Дуаньян, а Цяо Цзиньшэн оказалась в самом центре этого круга, и ей оставалось только слушать. Цяо Мань с улыбкой наблюдала за происходящим со стороны, изредка вставляя пару слов, после чего вновь со всех сторон неслись дружные похвалы.

Малая княжна Гаян сидела рядом с Цяо Мань и тихонько проговорила:

— Все эти дни я не видела Чжангунчжу Дуаньян, моя матушка очень беспокоится.

С этими словами она протянула Цяо Мань вышитый парчовый кошелёк цвета неспелого персика с узором из бабочек, порхающих среди цветов, и слегка смущенно добавила:

— Я вышила его сама, а внутри спрятала оберег, испрошенный в храме Чжаохуа.

— Вышивка Гаян всегда отличалась искусностью, — вздохнула Цяо Мань. — От лица матушки я благодарю княгиню Гайянь за заботу. Только сейчас... даже я не знаю, что именно происходит с матушкой.

Малая княжна слегка нахмурилась и всё тем же тихим голосом спросила:

— Как же так? Разве вы не звали императорского лекаря?

— Если бы я знала, — Цяо Мань изобразила на лице беспомощность. — Лекарей звали. Помните, на третий день после прибытия девятой принцессы в поместье матушка вдруг пожаловалась на недомогание? Поначалу она не разрешала звать лекарей, но я так настаивала, что ей пришлось уступить. Однако когда лекарь пришел, по его виду было совершенно очевидно, что он что-то определил, но мне ничего не сказал. Матушка же стала ещё реже выходить из покоев, даже все три приема пищи ей подают прямо в комнату. Я так тревожусь и совершенно не знаю, что делать... Но матушка велела мне вывести девятую принцессу в свет, поэтому я могла лишь подчиниться.

— Э? Разве Дуаньян не хочет нас видеть? — пальцы малой княжны шевельнулись, и золотой браслет-оберег на её запястье издал мелодичный звон. — Надеюсь, матушка поправится как можно скорее.

Цяо Мань замерла, заметив, что старшая на полгода сестра смотрит на нее с обиженным видом, словно к ней и впрямь отнеслись пренебрежительно. Она через силу утешила её:

— Что вы, сестрица Гайян всегда была ко мне добрее всех, разве я могла бы забыть об этом.

Поразмыслив, она добавила:

— Из-за того, что мы так тревожим сестрицу Гайян, в поместье Дуаньян чувствуют себя неловко.

— Вот и хорошо, — сладко улыбнулась малая княжна. — В первые дни после приезда девятой принцессы я совсем не видела Дуаньян, поэтому переживала: вдруг ты, получив девятую принцессу, совсем про нас забудешь.

— После таких слов сестрицы Гайян мне остается лишь сквозь землю провалиться от стыда, — Цяо Мань спрятала прежний кошелек во внутренний карман рукава. — По идее, мне следовало самой навестить матушку Гайянь в вашем поместье, но, к сожалению, совершенно нет свободного времени. Видя матушку в таком состоянии, Дуаньян и впрямь желала бы разделить с ней этот недуг.

Они продолжали беседовать в таком духе: фраза за фразой, с совершенно одинаковыми мягкими выражениями лиц, словно родные сестры-близнецы. Когда Цяо Цзиньшэн осознала это, у неё на душе внезапно стало пусто и тоскливо, будто она потеряла что-то самое ценное. Но взглянув на остальных знатных девиц, она заметила, что каждая из них держалась точно так же: изгиб губ, манера держать платок и неизменно тихий, плавный тон речи. На их фоне она выглядела чужой. Даже будучи представленной цзюньчжу Дуаньян, чья популярность в кругу была выше всех, она всё равно не могла по-настоящему влиться в их общество.

Из-за этого по возвращении в Резиденцию принцессы в тот день Цяо Цзиньшэн ходила мрачная и еще усерднее налегала на чтение и каллиграфию. Глубокой ночью, когда Цяо Мань звала ее лечь спать, та даже не отзывалась. Видя состояние кузины, Цяо Мань быстро догадалась о причинах и подошла с утешением:

— Цзиньшэн, если хочешь быть с ними на равных, лучше займись женским рукоделием.

Девятая принцесса отложила кисть, подняла голову и произнесла:

— Вот почему Цзиньшэн вовсе не хочет быть похожей на них.

Как только слова слетели с ее губ, она тут же пожалела об этом.

Цзюньчжу Дуаньян лишь приподняла брови с видом: давай послушаю, что ты еще скажешь.

Они вернулись домой только после ужина со всеми знатными девицами. Сначала Цяо Мань отправила кузину отдыхать и мыться, а сама с тем самым кошельком направилась к Чжангунчжу. Выслушав рассказ дочери о словах малой княжны Гаян, Цяо Ло лишь беспечно улыбнулась. На ней было легкое шелковое платье цвета нежно-золотой зелени с вышитыми цветами сливы, придававшее ей еще более утонченный вид.

— Матушка! — позвала Цяо Мань. — Даже сестрица Гайян говорит об этом, не говоря уже о вашей дочери.

Цяо Ло долго смотрела на Цяо Мань, прежде чем произнести:

— Я здорова.

Цяо Мань, разумеется, не поверила и повернулась к Юйтао:

— Юйтао, а ты? За матушкой всегда ухаживала ты, и раз дело дошло до такого, по крайней мере позволь мне, цзюньчжу, узнать причину!

Однако Юйтао лишь ответила, что служанке тяжело об этом говорить, и отошла в сторону, умолкнув. Заметив это, Цяо Мань почувствовала еще большую тревогу и поняла: здесь замешано что-то... тайное и неблагоприятное?

Лицо ее стало строгим:

— Если матушка никак не может позволить дочери узнать об этом, я не стану настаивать. Но я всё же остаюсь дочерью своей матери, поэтому...

Поэтому если случится что-то серьезное, она непременно встанет плечом к плечу с Чжангунчжу Дуаньян.

Цяо Мань вспомнила, что матушка изменилась после поездки во дворец, а значит, что-то произошло при дворе? Если подумать, она сама уже некоторое время не бывала во дворце.

Чжангунчжу по-прежнему смотрела на Цяо Мань, едва заметно улыбаясь, и произнесла:

— О чем ты только думаешь? Я же сказала, что всё в порядке, и что бы ни говорила Юйтао — это ничего не меняет. Сейчас место императрицы пустует, и вполне естественно, что иногда меня просят принять какое-то решение. С чего бы здесь быть беде? Цяо Мань, поняв, что её тайные помыслы раскрыты, даже немного успокоилась. И впрямь: случись что серьёзное, во дворце не стояло бы гробовой тишины, не ходили бы слухи даже о тяжёлой болезни. Да и матушка сейчас просто не покидает своих покоев, а лицо у неё вполне здорового цвета.

Тревогу вызывало лишь одно — выражение лица лекаря в тот день. Можно сказать, именно оно служило источником всей тревоги Цяо Мань.

— Верно, сегодня те люди только и делали, что расхваливали Девятую принцессу. А Малая княжна Гаян подарила мне этот кошелек, вот я его и принесла.

Цяо Ло слегка кивнула и тут же объявила, что устала, велев Цяо Мань тоже ложиться пораньше. Увидев это, Цяо Мань только-только обретённое душевное спокойствие снова сменилось тревогой, но, заметив, что матушка и впрямь выглядит сонной, ей пришлось проглотить слова и уйти. Всю дорогу она размышляла над недавними событиями, и чем больше думала, тем сильнее ей казалось... что всё слишком уж обычно.

Так что же произошло?

Она покачала головой: раз всё равно не удаётся докопаться до истины, лучше пока отложить эти мысли.

А Чжангунчжу Дуаньян, проводив дочь взглядом, тут же швырнула кошелек Юйтао. Та вертела вещь в руках, не зная, как поступить и что делать. Заметив её замешательство, Цяо Ло лишь бросила:

— Завтра позови лекаря, пусть осмотрит. Только сделай так, чтобы Цзюньчжу не узнала.

Юйтао присела в реверансе, принимая приказ, и подошла расстилать постель для Чжангунчжу. Стоило лето, так что одеяло было совсем тонким, достали даже нефритовые подушки. Убравшись и уложив Цяо Ло, она с сомнением произвела:

— Чжангунчжу, правильно ли... вот так скрывать всё от Цзюньчжу?

Выражение лица Цяо Ло ничуть не изменилось:

— Что значит правильно или неправильно? Решение ещё не принято. Ладно, ступай.

Видя это, Юйтао оставалось лишь поправить одеяло госпожи, затушить свечу и выйти. У двери дежурили две служанки второго ранга из Обители Минтан, хором поприветствовав её:

— Сестрица Юйтао.

— Смотрите в оба, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Чжангунчжу простудилась, — наказала Юйтао и лишь после этого удалилась, снедаемая тяжёлыми мыслями.

Вернувшись в Павильон Хуаньцин, Цяо Мань застала Цяо Цзиньшэн за чтением при свете лампы. Чистый голос девочки и её сосредоточенный вид немного подняли настроение Цзюньчжу Дуаньян, и та мягко спросила:

— Цзиньшэн уже искупалась?

— Угу.

Малышка не отрывала глаз от книги, снова и снова перечитывая детские прописи. Для её возраста это было маловато, но, вспоминая потерянное даром время, оставалось лишь смириться. Цяо Мань всегда считала это упущением, поэтому учила девочку с особым усердием, а та старалась изо всех сил — очень скоро она заучила наизусть поэму длиной в тысячу с лишним иероглифов и теперь разбирала заключённые в ней знаки.

— Что ж, тогда сестрица пойдёт к себе. Почитай пока, чуть позже я тебя проверю. Сказав это, Цяо Мань уединилась в соседней комнате. К тому моменту Юйли уже подготовила воду и теперь посыпала её лепестками цветов. Увидев это, Юйсян подошла, распустила волосы Цяо Мань и сняла с неё все украшения. Цяо Мань пробыла в воде довольно долго, прежде чем подняться на ноги. Обтершись насухо и надев белое нижнее платье, она вернулась в спальню и увидела, что маленькая кузина всё ещё читает.

После долгих занятий Цяо Цзиньшэн не только бегло отвечала на вопросы, но и научилась писать куда больше иероглифов. Цяо Мань с удивлением и лаской потрепала кузину по волосам и с улыбкой произнесла:

— Так ты скоро совсем обгонишь сестрицу.

— Что вы, Цзиньшэн до сестрицы Мань ещё далеко, у меня далеко не такая красивая письмена, — смущенно отозвалась Девятая принцесса и тут же добавила: — Сестрице Мань уже пора отдохнуть, правда? А Цзиньшэн хочет ещё немного почитать. — Что сегодня стряслось? — Цяо Мань склонила голову. Впрочем, задав вопрос, она вовсе не ждала ответа, а лишь бросила, что посидит вместе с младшей кузиной.

Даже когда наступил час много позже обычного, Цяо Цзиньшэн всё никак не выпускала из рук

книгу. Цяо Мань принялась её уговаривать, однако Девятая принцесса выдала поразительное признание.

— Я... я просто... — запинаясь, проговорила Цяо Цзиньшэн. — Сестрица Мань и все те сестрицы, что приходили сюда в последние дни, обучались с самых малых лет. Будь то вышивание сестрицы Гайян или чтение и письмо сестрицы Мань. Но... — Её выражение лица вдруг стало чуточку решительнее. — Цзиньшэн не хочет становиться такой же, как те сестрицы. Хотя мешочки для заварки, которые вышивает сестрица Гайян, и впрямь очень красивы. Я... я хочу стать такой же, как сестрица Мань! — Да, женское рукоделие сестрицы Гайян всегда было лучшим среди нас. — Цяо Мань не стала подхватывать слова Цяо Цзиньшэн, а вместо этого заговорила о другом: — Я отдала тот мешочек для монет матушке, а сестрица Гайян говорила, будто внутри находится испрошенный ею оберег... Надеюсь, матушке станет лучше.

То, что Цяо Цзиньшэн собиралась произнести, застряло у неё в горле.

Цяо Мань продолжала сама: — Цзиньшэн, даже Юйтао знала об этом, а я — нет... Разве это не странно? Хотя Юйтао и доверенное лицо матушки, я же всё-таки матушкина дочь. Что может быть такого, о чём знает какая-то служанка, но не могу знать я?

— ... — Девятая принцесса приоткрыла рот, не зная, что и сказать. Стоило ли продолжать говорить о том, о чём она говорила раньше? О том, что хочет стать такой же красивой и ослепительной, как сестрица Мань, о человеке, который заставил её сердце трепетать с первого взгляда ещё там, в Холодном дворце.

Но... сейчас это было явно неуместно.

Глядя на явно погрузневшую кузину, Цяо Цзиньшэн долго думала, прежде чем тихо произнести: — Как бы то ни было, Чжангунчжу Дуаньян желает сестрице Мань добра.

— Я знаю, — ответила Цяо Мань. — Именно поэтому от этого ещё больше.

Цяо Цзиньшэн кивнула, показывая, что понимает её, но подобрать слова больше не могла. Она протянула руку и взяла кузину за ладонь. Заметив, как из-за трепещущего пламени свечи их тени слегка дрогнули, она проговорила тихо, словно Малая княжна Гаян: — Сестрица Мань, давай-ка мы сейчас ляжем отдыхать?

<http://bllate.org/book/20769/2083956>